

Помню о вчерашнем, надеюсь на завтра

Кирилл Юрьевич - 1999 - 25-31 марта - с. 9
Лауреат премии "Золотая маска"

Художественный
руководитель Большого
драматического театра
имени Товстогова -
"нынешний лауреат премии
"Золотая маска"
в номинации "За честь
и достоинство". Не будет
ошибкой предполагать,
что в решении о присуждении
Кириллу Юрьевичу
этой награды отмечен
не только его многолетний
актерский труд на сцене
БДТ, но и нелегкая задача
по продолжению дела
Товстогова.

— Товстогов всегда сам гово-
рил, что у театра есть определенный
срок, что он умирает вместе с
лидером. Это естественно. Что оста-
лось от Театра Товстогова?
Перспектива. Возможность дви-
жения. Необходимость генерации
новых идей. В тот момент, когда
не стало Георгия Александровича,
не было его ученика, последова-
теля, который мог бы подхватить
эстафету, продолжать развитие
театра. То, что коллектив эту за-
дачу возлагал на меня, я расцени-
вал только как выход в безвыход-
ном положении. Чтобы сохранить
принципы, заложенные тем, кто
создал театр, и потом передать их
другому, более молодому челове-
ку, который придет создавать
свое, новое дело. Через год, через
несколько лет — так казалось то-
гда. А вышло — на долгие годы.

— Немало режиссеров пригласи-
лось сюда за это время на по-
становку, многие задерживались
на несколько лет, работали, вы-
шли как два-три спектакля. К
каждому из них вы присматрива-
лись как к возможному канди-
дату, возможному преемни-
ку?

— Да, было их немало — а я до
сих пор так и представляю собой
некое "временное правительство".
К сожалению, этот переходный
период затянулся. Ничего не поде-
лаешь. Ведь совершенно измени-
лась вся театральная ситуация.

— Может быть, в этой новой
ситуации "временное прави-
тельство" — единственное наи-
более стабильное?

— Такая стабильность меня лич-
но не устраивает. Я ведь могу рас-
суждать только как человек моего
поколения. Раньше было абсолю-
тно иначе: меккой любого ре-
жиссера было получить свой те-
атр. Сколько было из-за этого
бед, сколько драм! Я многого не
понимаю из того, что творится сей-
час в театре. Для меня много не-
применно. Но черты нынешнего
времени существуют, нравятся
мне это или нет. Я имею в виду,
что молодые режиссеры, частен-
но очень талантливые, совершенно
не испытывают желания
приходить и сидеть в руководи-
тельское кресло. Значит сидеть еже-
дневно в театре (а в каждый день
требуют решения тысяч локаль-
ных проблем), если вместо этого
можно ездить по России, за грани-
цу и за хорошие деньги работать
над спектаклем! Но я-то в силу
своего воспитания, своего понима-
ния театрального искусства считаю,
что только в театре-семье
место настоящему художнику. Я
уверен, что человек, который не

Евгений АКСИОНОВ

нет строить здесь свой, новый те-
атр, должен найтись, и поиски, ко-
нечно, продолжаю.

— БДТ поменял за последние го-
ды немало утрат: уход Стрельни-
чика, Лебедева, Коваль. Невос-
полнимое это и потому, что с ними
из театра почти исчез товстогов-
ский репертуар. А недавняя
кончина завлита БДТ Дины
Морисовны Шварц как бы подвела
итог завершающейся на наших
глазах истории Театра Товсто-
ногова.

— Дина занимала особое место.
И при Георгии Александровиче,
и после его смерти. Она, собствен-
но, была моим главным оплотом,
когда я стал руководить БДТ. Ни
одного серьезного шага я не сде-
лал, не посоветовавшись с ней.
Она была человеком уникального
театрального опыта, удивительной
верности своим принципам.
Наверное, наши с ней взгляды бы-
ли несколько старомодны, но во
всем соответствовали времени —
так иногда считают, и мне это по-
нятно. Но она была хранилищем
идей. Дина обладала безу-
разным литературным вкусом.
Она была очень добрым человеком.

— Известно, что какие-то но-
вые репертуарные идеи режис-
суре могла подкинуть только
она. Актерам ведь было наказа-
но приходить к Товстогову с
каким-то предложением в на-
дежде получить новую роль?

— Конечно, это было характер-
но не принято. Существовал не-
писанный кодекс, который исклю-
чал такую возможность. Товсто-
ногов сам решал, какая пьеса не-
обходима сейчас для театра — и
ничьи желания не могли его волю
изменить. Другое дело, что он при-
кидывал возможности труппы. И
если кого-то не хватало для дан-
ной работы, то он приглашал ис-
полнителя со стороны. Так и фор-

мировалась труппа. Были при этом
и обиды — как без них, это же те-
атр! Да ведь и я не лишен свойств
своей профессии. Я был достаточно
часто иррациональным актером, не
проявлял без дела, и для меня
была счастьем любая работа, хоть
эпизод. Но и обиды были. Георгий
Александрович собирался ста-
вить "Дачников" и сказал мне как-
то, что видит меня в роли Сусло-
ва. Я, естественно, загорелся, ча-
пал, размышлял, уже чувствовал,
как я это смогу сделать... Потом
вывесили распределение ролей,
написано: "Суслов — Олег Бор-
сов".

— Был и такой случай. Когда у нас
появился Лусекаев, мы с ним оба
были назначены на роль Черкуна
в "Варевах". Я тогда пришел к Ге-
ورгии Александровичу и попросил
снять меня с роли. Паша только
пришел в театр, ему надо было у-
твердиться, и с первой же чепухи
понято, что его роль. Грубо
говоря, он испал со сцены со мной
однажды.

— Он вам был знаком еще по
Киеву?

— Нет, когда я работал в Киеве,
Лусекаев там еще не был. А
уже потом, в один из приездов, я
смотрел в Киеве с ним "В поисках
радости" и "Второе дыхание". На-
стоятельно они меня поразили своей
совершенно собачьей органоикой,
актерским магнетизмом, что я пошел
за кулисы с ними познакомиться и
не имея никаких на то полномо-
чий, вдруг сказал: "Переходите к
нам".

— Пошутили мы с ним на эту тему,
а вернувшись, я вразбег рассказывал
Георгию Александровичу,
какого артиста я видел. И вдруг:
"Кира, знаете, а мне о нем же ре-
жиссер Варлаховский говорил, он
работал с ним в Русском театре в
Тбилиси. Давайте пригласим". И
через некоторое время мне зво-

нил Лусекаев: "Приезжайте через
три дня".

Товстогов скрупулезно,
актер к актеру, собирал труппу,
ставшую ансамблем слажен-
ным, как симфонический ор-
кестр. Но время от времени из
этого слаженного оркестра ухо-
дили — причем уходили "пер-
вые": Смокутновский, Дорони-
н, Юрский. Причины были раз-
ные, но жутковато Товстогову не
мог найти возможность сохра-
нить нужного артиста в труппе?

— Случаи все это разные, их в
одну графу не сведешь. Но, как бы
они не переживали все эти уходы, и
огорчались, и возмущались, compro-
мисс для него был невозможен.
Принципиально. Он так верил в
свой театр, что готов был идти на
разные, на немские новые актеры,
на замены. Несмотря на разные
мотивы уходов, есть в нем нечто
особое. Театр был в те годы в та-
кой силе: зрительский успех, при-
глашения в кино. И у многих появля-
лось ощущение, что они способны
на все и без Товстогова. Это бы-
ло глубокой ошибкой.

— Вам пришлось вместе с Ми-
хаилом Ульяновым завершать
спектакль "Братья Карамазо-
вы" после кончины Ивана Пы-
рьева. Кажется, это был ваш
единственный режиссерский
опыт — ни в кино, ни на сцене
вы больше таких попыток не
предпринимали. Поняли, что
это не ваша стезя?

— Работа эта при всей ее случай-
ности меня заинтересовала, ре-
жиссерский зуд потом возник. И
на "Мосфильме" мне давали спе-
циально, предлагая самостоятель-
ную постановку. Но это означало
полное отсутствие как минимум на
год. Сниматься есть можно, работая
в театре, летая в свободные
дни туда-сюда, а снимать... Уйти
для меня было совершенно невоз-
можно. А пытаться что-то поста-
вить в театре — в присутствии
Товстогова? Так что режиссерские
амбиции я в себе задавил, и больше
они не выросали.

— Сергей Юрский рискнул — в
присутствии Товстогова...

— От характера зависело. Сергей
рискнул. Философия режиссер-
ского опыта попытки не очень по-
лучились. Товстоговым: он слыш-
но ценил его как актера. На этой
почве ведь и произошел их кон-
фликт.

— Олег Басилашвили расска-
зывал в ряде интервью, что его
Данфорст из "Салемских колду-
ний" во многом создан благода-
ря опыту "хождения во власть",
знакомству с представителями
политического истеблишмента.
Вам тоже приходилось наблю-
дать это явление? Или это слово
исправно не имеет никакого отно-
шения к нам?

— В своей "актерской масте-
рской" я никогда не испытывал не-
обходимости копировать кон-
кретного человека. Но, помимо тех
персонажей, что вы назвали, я
еще большей степени Молчалин
навевал обликом некоторых ра-
тульных чиновников, которых я ви-
дел в коридорах власти. Эти чини-
ки, полные охоты и ненависти,
всегда начинали. Для Товстогова
всегда было важно найти в работе
общественный смысл того, что мы
делаем. И в "Ревизоре" и в "Трех
сестрах" зал понимал, почему эта
далекая якобы классика нас се-
годня волнует.

— Из всех работ Георгия Алек-
сандровича по русской классике,
пожалуй, только "Дядя Ваня" не
был наполнен этой социальной
остротой. Тут его волновали не
столько наши, сколько чеховские
проблемы.

— Социальной остроты, отра-
жающей конкретное время, в
"Дяде Ване" не было, но эта по-
становка как раз и идет в БДТ
уже пятнадцать лет, одна из

двух оставшихся в репертуаре
работ Товстогова.

— Да, к великому сожалению,
больше его спектаклей не оста-
лось. Что делать: умирают акте-
ры... "Дядю Ваню" мы играем очень
редко — и играем как разитет. Ко-
гда мы восстали на великом театре,
именно в этом качестве великий,
но напали на афише: "Спек-
такль играет премьерный состав
1986 года". Может быть, и на афи-
ше "Дяди Ваня" стоит написать не-
что подобное. Чтобы никто не
смущал наш возраст, уже не соот-
ветствующий Чехову и замислу
Георгия Александровича. Чтобы
ясен был смысл: мы играем его в
память о великом режиссере. У
Товстогова была в свое время
попытка омоложения старого со-
става: он ввел в "Три сестры" но-
вых, молодых три сестры. Он сам
раскалывал в этой замене и быстро
снял спектакль. Спектакль рож-
дается один раз — с единственно
возможным актерским составом.

— Кирилл Юрьевич, вы се-
годня возглавляете не только
Большой драматический театр,
но и такое образование, как
Международная конфедерация
театральных союзов, наслед-
ник СТД СССР. Что representa-
ет собой конфедерация, что
объединяет творческие союзы
суверенных стран? Не искус-
ственный ли это союз в нынешних
условиях?

— Когда создавался Союз теат-
ральных деятелей СССР, он дей-
ствительно объединял людей,
идущих общими путями. Было
и такое театральное простран-
ство, мы имели возможность
ездить друг к другу и знали, в
Грузии вышел такой-то новый спе-
такль, в Литве появился новый за-
метательный режиссер, в Туркме-
нии у молодого театра такие-то
проблемы. Мы заседания нашего
секретариата сделали выездными,
мы никогда не собирались в
одном месте. А для той республи-
ки, куда мы приезжали, это было
очень важно: авторитет союзного
СТД был так велик, что нас при-
нимали на уровне руководящих ре-
спублики и имелись возможности
решить проблемы. Поэтому, когда
распался Советский Союз, на
последнем нашем заседании мы
единогласно решили: не раско-
лдима, а преобразуем наше со-
щество. И нашли форму конфеде-
рации. Сделать мы это сделали,
но политические и экономические
реалии изменились совершенно, и
единого пространства больше не
существует. Решать общие задачи
во взаимодействии правительств
и обществ — так сказать, сейчас
еще другие: мы иногда собираемся
на фестивали, на Международ-
ном чеховском фестивале в Мос-
кве обязательно. Даже если члены
конфедерации не выступают там
со спектаклями, мы приглашаем
их в качестве гостей.

Мы никак не финансируемся,
расчитываясь только на членские
взносы. В театре, как и в конфедерации
есть огромная, огромная заслуга
его отставного секретаря Ва-
лентина Шадрина, взвалившего на
себя всю тяжесть по поддержа-
нию нашей структуры: он находит
возможность зарабатывать сред-
ства, чтобы поддержать какие-то
наши проекты, инициативы. Пер-
спектива существования нам
одна: мы должны жить, как и у
других, в целом. Научная и
зачинательная, келейность для
творческой жизни особенно губи-
тельна. Теоретический коллектив сегодня
должен ощущать себя участником
мирового театрального процесса.
Чеховский фестиваль поэтому
для нас — задача первоочередной
важности: люди имеют воз-
можность общаться с искусством
и театром, как Бунин, как Штайн,
Стрелер. Ведь за эти годы, что
существует фестиваль, мы смогли
включить в его программу практи-
чески весь чехов мир мирового теат-
рального искусства.

Беседу вел
Леонид ПОПОВ